
Российская академия наук
Уральское отделение

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК

Вестник Уральского отделения РАН

№ 4(10)

Екатеринбург, 2004

Е.Н. Колосова
зав. Научным архивом
УрО РАН

А.И. Кузнецов
ст. н. с. ЦНБ УрО РАН,
кандидат философ-
ских наук

О борьбе мнений, «свободе критики и дискуссий» 50-х годов XX века в Уральском университете им. А.М. Горького

(по материалам заседаний
Ученого совета)

Конец 40-х — начало 50-х годов XX века ознаменовался разгромом биологической науки. Сначала августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года и так называемая павловская Объединенная сессия АН — АМН СССР 1950 года, затем приказ Министерства высшего образования «О перестройке научной и учебной работы по гистологии, эмбриологии, цитологии и биохимии в свете теории О.Б. Лепешинской...» 1952 года и статья в «Правде» Ю.А. Жданова «Против субъективистских извращений в естествознании» 1953 года — все это сильно затормозило развитие в стране многих направлений в биологии.

Учитывая партийность и классовый характер советской науки, главными «экспертами» в ней на долгое время становятся партийные органы и их номенклатурные сотрудники — преподаватели кафедр общественных наук.

Это был виток репрессий, направленный на принижение нового уровня самосознания народа-победителя, понесшего неисчислимые жертвы в войне и познавшего окопную и тыловую правду. Необходимо было вновь добиться его беспрекословного повиновения и

единения с партийной номенклатурой. Идеологические кампании сыпались как из рога изобилия.

Одна из таких кампаний, связанная с выходом в свет работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в 1952 году волной разрешенных (заказных!) дискуссий прокатилась по всей стране. «Дискутировали» во всех научных и высших учебных заведениях по всем отраслям науки. Случалось, что дискуссии проводились формально, как это было у уральских геологов: отдав должное «гениальному труду товарища Сталина» ученые просто обсуждали свои насущные проблемы¹.

Совершенно не так обстояло дело на дискуссии «О месте и роли естественных наук в жизни общества», состоявшейся на заседаниях Ученого совета УрГУ и задуманной как диалог между философами и учеными-естественниками, возможно, в целях приведения в норму «путаников» самими учеными.

Одним из главных действующих лиц этой дискуссии был В.И. Патрушев, заведующий кафедрой физиологии человека и животных, директор-организатор Института биологии

¹ Сперанская А.Н. Традиции, новации и нравственный выбор в советской геологической науке в послевоенное десятилетие (1945—1955) // Интеллигенция России и Запада в XX XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 2004. С. 177.

УФАН. Как ученый Василий Иванович сформировался под влиянием лучших представителей биологии своего времени (акад. Н.И. Вавилова и И.И. Шмальгаузена, Н.П. Кренке и Я.Я. Луса др.), причем, видимо, в силу своего происхождения — из крестьян — был крепко «завязан» на практику.

После известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года В.И. Патрушев по обвинению в приверженности формальной генетике отстранен от преподавания в университете и должности директора Института биологии, а его основные единомышленники из института уволены. Разумеется, борьба свейсманизмом-морганизмом в провинциальном Свердловске не была столь ожесточенной, как в столицах, к тому же штат университета не изобиловал профессорами. Поэтому декан биофака Г.В. Заблуда, вынужденный в 1948 году выступить с обличением В.И. Патрушева, в 1949 году вновь принял его на работу и с тех пор, защищал от ректората и представителей общественных кафедр.

С 1950 года и до конца жизни Василий Иванович возглавлял кафедру физиологии человека и животных. За 12 лет руководства кафедрой Василий Иванович, по общему признанию, создал солидную лабораторию, оснащенную современным оборудованием, и работоспособный коллектив ученых, организовал подготовку молодых специалистов и развернул научные исследования.

Работа на биофаке дополнилась в 1951 году чтением лекций по основам мичуринской биологии на курсах для преподавателей марксизма-ленинизма при университете, что и спровоцировало первую незапланированную дискуссию.

Она состоялась 20 декабря 1951 года на объединенном заседании кафедр биологического факультета с кафедрой диалектического и исторического материализма по обви-

нению В.И. Патрушева в идеализме, прозвучавшем на общем партийном собрании УрГУ. Заметим, что вопросами истории биологии, в частности развития физиологии, Василий Иванович начал заниматься еще в конце 40-х годов, и к этому времени у него сложилась своя самобытная схема периодизации.

В ходе дискуссии: «Патрушев коротко изложил содержание своих лекций о предмете, истории физиологии и ее периодизации.

Курсанов² в своем выступлении говорил о том, что основные позиции, с которых докладчик подходит к вопросу о предмете, истории физиологии и ее периодизации верны, но требуется конкретизация отдельных формулировок.

Иовчук³ в своем выступлении отметил, что никаких оснований обвинять докладчика в идеализме нет [...]»⁴. В свою очередь кафедра диалектического и исторического материализма готова оказать помощь тов. Патрушеву в его дальнейшей работе по теоретическим вопросам физиологии»⁵.

В УрГУ идет партсобрание. Крайний справа — член-корр. М.Т. Иовчук, третий справа — В.И. Патрушев, не позднее 1953 г.

Несмотря на то, что обвинение было снято, оно повлекло за собой заключительный разбор вопроса на партбюро УрГУ, где точка зрения философов несколько видоизменилась: «Курсанов сообщил, что на основании

²Заведующий кафедрой логики и психологии УрГУ и преподаватель кафедры философии УФАН СССР.

³Заведующий кафедрами философии УФАН СССР и диамата и истмата УрГУ.

⁴Здесь и в дальнейшем отточием обозначаются опущенные фрагменты текста.

⁵ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 707. Лл. 225—227.

проверки комиссия пришла к выводу, что в лекции проф. Патрушева никакой пропаганды идеализма нет, но вместе с тем прочитанные лекции имеют серьезные недостатки [...] **ПОСТАНОВИЛИ:** Партбюро предлагает чл. ВКП(б) тов. Патрушеву более точно подходить к марксистскому обоснованию своих лекций по истории физиологии, критически относиться к своей работе и активно участвовать в разоблачении реакционных теорий вейсманизма-морганизма.

Партбюро вместе с тем считает, что для обвинения тов. Патрушева в том, что в его лекциях на курсах проводился идеализм, нет основания»⁶.

Итог этой стихийной дискуссии не удовлетворил обком партии, поэтому, надо полагать, и состоялась вторая — плановая, начавшаяся 13 января 1952 года.

Докладчиком был кандидат философских наук, преподаватель кафедры диалектического и исторического материализма УрГУ М.Н. Руткевич. Желающих выступить записалось много, и в первый день дискуссии не хватило времени, поэтому заседание решили продолжить позднее (28 февраля 1952 года). Однако на втором заседании ректор УрГУ Г.И. Чуфаров и зав. кафедрой марксизма-ленинизма Ф.П. Быстрых отсутствовали, что, надо полагать, снизило ее остроту. Тем не менее в обсуждении участвовали наиболее активные члены Ученого совета УрГУ: С.В. Вонсовский (профессор УрГУ, зав. теоретическим отделом ИФМ), профессор Г.В. Заблуда (организатор и первый декан биофака УрГУ), чл.-корр. М.Т. Иовчук, П.Г. Конторович (зав. кафедрой алгебры и геометрии УрГУ), Г.А. Курсанов, В.И. Патрушев и др.

Тема доклада М.Н. Руткевича — «Марксизм-ленинизм о месте и роли естественных наук в жизни общества». Изложим основные тезисы доклада:

1. «[...] естественные науки, обслуживая общество знаниями о природе, связаны с развитием производительных сил общества непосредственно, [например], как техника, в которой они находят свое материальное воплощение.

2. Будучи делом господствующих классов, естественные науки, однако, используются

ими не только по прямому назначению — в производстве, но и в целях классовой борьбы. Подобное использование наук о природе становится возможным потому, что они дают материал для формирования общего мировоззрения, неразрывно связаны с философскими (а также религиозными, а иногда и политическими) взглядами общества [...]. Что же касается общих теоретических проблем естествознания: о происхождении солнца, планет, звезд и т. д. в астрономии; о единстве волны и частицы, о связи времени, пространства и движения — в физике; о строении молекул — в химии; о происхождении жизни, о наследственности организмов и путях ее изменения — в биологии; о закономерностях деятельности человеческого мозга — в физиологии и т. д., то все эти и другие общие проблемы естествознания носят философский характер. Борьба вокруг подобных проблем [...] неизбежно является борьбой материализма и идеализма и выражает борьбу коммунистического мировоззрения пролетариата с [...] религиозно-идеалистическим мировоззрением буржуазии.

3. [...] советское естествознание, критически перерабатывая науку прошлого, а также ценные исследования современных буржуазных естествоиспытателей, должно взять все объективно-истинное, добытое наукой о природе в условиях власти капитала [...] долг советских ученых состоит в том, чтобы выявлять и отсекал все ложное, внесенное в науку о природе буржуазными учеными под влиянием их реакционных политических или неверных философских взглядов; вести непримиримую борьбу против идеализма и метафизики в современной науке, беспощадно бороться с пережитками и отзвуками идеализма и метафизики во взглядах отдельных представителей науки СССР». При этом декларативно утверждается «развитие путем борьбы мнений, свободы критики, свободы дискуссий»⁷.

Несомненно, Василий Иванович, только что испытывавший на себе все прелести «свободной дискуссии», взял слово первым и изложил свое понимание о нормах ее ведения. И именно этот вопрос стал главным в дискуссии. Воспроизведем ее основные моменты.

⁶ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 132. Лл. 1—2.

⁷ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 326. Л. 205—209.

«Задача организации этой дискуссии для Ученого совета, — отмечает В.И. Патрушев, — очень ответственная: на основании этого опыта мы должны научиться проводить действительно свободные дискуссии на кафедрах, в различных обществах, которые существуют при университете. [Надо обеспечить возможность] для каждого на дискуссии отстаивать свое мнение, ведь это мнение является продуктом длительного труда. Мне кажется, право каждого участвующего в дискуссии возражать, критиковать, отстаивать свою точку зрения и никто не имеет права в дискуссии, будь то рядовой научный сотрудник без степеней и званий, или, наоборот, ведущий работник со степенями и званиями, — никто не имеет права навязать свою точку зрения.

А у нас часто наносятся оскорбления участвующим в дискуссии, разгораются страсти, как при всяком докладе, задевающим кого-либо, в результате этих страстей обзывают всячески один другого... Что такое назвать человека путаником? Это большое оскорбление человеческому достоинству, это зоологический метод. Иван Петрович Павлов недаром сказал, что человека можно бить не только ударом кулака, но и словом, последствия чего будут гораздо тяжелее, чем от удара кулаком... Мы не имеем права выражать претензию от имени коллектива к товарищам за их несогласие с большинством выступающих. Мы должны уважать результаты труда других, которые выражаются в форме высшего проявления — организованной сущности человека»⁸.

Эта часть выступления В.И. Патрушева, с легкой руки С.В. Вонсовского получившая наименование «катехизиса», подверглась сильной критике со стороны общественных кафедр, славные представители которых иначе дискутировать и не привыкли. «Главные их средства, — писал в своем дневнике Василий Иванович, — погромная критика и оргвыводы через обком. К сожалению, там они пользуются влиянием или по недоразумению — хитры и входят в доверие — или у них есть там тоже рука. Поддерживает их и Чуфаров, может быть, потому, что работает

в УФАНе»⁹. Невдомек было Василию Ивановичу (теперь мы это знаем!), что все они были номенклатурными работниками обкома партии.

«Я согласен, что мы не должны наклеивать какие-либо ярлыки даже тем, которые высказывают недостаточно проверенную, недостаточно правильную точку зрения, — сказал, в частности, М.Т. Иовчук. — Но отнимать право у коллектива, в том числе научного, выразить несогласие с ней, право выразить свое суждение о том, что с коллективом не соглашается тот или иной работник, т. е. проявить терпимость к неправильным взглядам, — я считаю, что это неправильно [...]. В условиях советской идеологии [...] мы должны всячески разоблачать ошибки, допущенные в книгах, статьях... любой советский человек, если он стоит на позициях советской идеологии, а не на позициях вейсманистской, морганистской теории, чутко относится к суждению коллектива, его долг заключается в том, если он имел ошибки в прошлом, постоянно разоблачать эту точку зрения [...]. Человек, совершивший ту или иную идеологическую ошибку, должен быть исключительно активным, потому что если он молчит и не выступает, то люди могут подумать, и не без основания, что он держит про запас свои мысли, враждебные окружающим [...]. Разве нет еще у нас, людей, воспитанных на буржуазной идеологии, стоящих на враждебных идеологических позициях, которые могут использовать эти позиции в интересах буржуазных, нацистских, враждебных нашему народу..., когда коллектив приходит к определенным выводам о том, что профессор Патрушев в своих взглядах по вопросам истории физиологии растений имеет некоторые непродуманные моменты, то он, безусловно, должен сказать свое мнение [...]»¹⁰.

И В.И. Патрушев принял вызов.

«[...] существуют разногласия между кафедрой философии и кафедрой физиологии по некоторым вопросам истории физиологии, — сказал он. — Спрашивается, обязаны ли мы эти вопросы решать только в том плане, в котором они решаются на кафедре философии. Никто не вмешивается в то, как ре-

⁸ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 326. Лл. 158—166.

⁹Научный архив УрО РАН. Ф. 31. (Личный фонд В.И. Патрушева).

¹⁰ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 326. Л. 193—194.

шаются кафедрой философии те или другие вопросы, но ведь и у других кафедр есть свои точки зрения, наличие вмешательства кафедры философии в дела кафедры физиологии растений ничего кроме конфуза не принесет [...] если вы по частному вопросу пытаетесь заменить, ... мнением — практику, как критерий истины, то это тоже неправильно. По частным вопросам критерием истины не может быть мнение большинства голосов»¹¹.

Дипломатично подвел черту под этой полемикой председатель: «И я также не согласен с теми товарищами, которые говорят, что надо дискуссию положить в какое-то прокрустово ложе, устанавливая для дискуссии катехизис, какие-то ограничительные условия. Ничего страшного нет, что товарищи свободно выразят свое мнение, назовут вещи своими именами [...]»¹².

В переводе с номенклатурно-бюрократического языка на обычный это означает правомерность оскорбительных высказываний, таких, например, какое допустил кандидат философских наук М.Н. Руткевич в адрес декана биофака профессора Г.В. Заблуды — «заблудился».

С точки зрения содержания и поставленных целей дискуссией оказались недовольны многие.

С.В. Вонсовский: «Сегодняшний доклад является несколько неудачным, слишком общим. Очень интересно было бы по затронутым вопросам получить полную ясность, чтобы не было кривотолков, вульгаризации, упрощенческого характера, чтобы можно было развить конкретную дискуссию по вопросам, которые интересуют в данной области науки и на конкретных примерах решить ту или иную для советской науки проблему [...]»¹³.

П.Г. Конторович: «Я много ждал от философской дискуссии и ... разочаровался. Разговоры были все общего порядка, мало чего конкретного»¹⁴.

Говоря иначе, не очень-то оправдались ожидания как у тех, кто полагал необходимым публичное порицание «путаникам», так и у надеявшихся на продуктивное научное обсуждение. «Еще немного стойкости, и кончится этот период, как и предшествующий период непрерывной инквизиции», — писал в это время в своем дневнике Василий Иванович.

К сожалению, закончился он победой «инквизиции» в ходе третьей так называемой «свободной дискуссии», которая произошла в 1954 году.

В том году Ученый совет университета принимает решение о публикации лекций на правах рукописей по отдельным разделам курсов, недостаточно освещенным в литературе. Лекция «Предмет и метод физиологии и ее место среди биологических наук» В.И. Патрушева была одной из первых публикаций такого плана. На общественных кафедрах лекции будут готовы только в следующем году. А пока — оргмеры в адрес первопроходца, который, не вняв «пожеланиям» партийных кафедр, продолжал свою линию в науке.

Крепкий сценарий сработал и в этом случае: сначала статья в «Уральском рабочем»¹⁵, где философ, взяв в подкрепление педагога, очевидно, с той целью, чтобы завершить разгром и с точки зрения методики преподавания, а затем т. н. дискуссия в университете, судить о которой можем лишь по статье в газете «Сталинец»¹⁶, так как архивы нам такую возможность не предоставили. «Дискуссия», в ходе которой «коллектив», состоявший в основном из философов и людей, далеких от биологии, камня на камне не оставили от лекций, явившихся плодом не одного года раздумий ученого над этим вопросом. Биологи, по традиции, «смягчали» ситуацию и «дистанцировались». Из каких соображений Василий Иванович не вынес свои лекции на обсуждение общественных кафедр, думается,

¹¹ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 326. Л. 197.

¹²ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 326. Л. 204.

¹³Там же. Л. 168.

¹⁴Там же. Л. 195.

¹⁵Коростелев Г., Перов А. Против грубых ошибок одной лекции // Уральский рабочий, № 293. 11 декабря 1954 г.

¹⁶Так до 1957 г. называлась многотиражная газета «Уральский университет». Гилев В. (начальник отдела снабжения УрГУ). О недостатках одной лекции и критике в научной работе // Сталинец, 1954. 21 декабря.

понятно, если вспомнить, как состоялось ее апробирование. На Ученом же совете биофака лекции эти неоднократно (с 1950 г., когда Василий Иванович критиковал лекцию В.В. Тарчевского «Введение в биологию») обсуждались коллегами, не вызывая принципиальных замечаний.

В результате этой «дискуссии» 1954 года постановлением партбюро УрГУ В.И. Патрушев получил партийное взыскание за «непартийное отношение к критике», был выведен из состава партбюро, а тираж лекции изъят из обращения.

Но его стойкость, как и стойкость многих самостоятельных ученых, была в конце концов вознаграждена, когда в результате «оттепели» 1956 года

М.Н. Руткевич, 1953 год

стало возможно высказать многие (но далеко не все) затаенные мысли и принять участие в настоящих научных дискуссиях. В этом плане заслуживает внимания расширенное заседание Ученого совета университета 14 мая 1959 года, посвященное 50-летию со дня выхода в свет книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В числе основных участников заседания те же лица, что и в дискуссии 1952 года: докладчик — доцент М.Н. Руткевич, выступающие — член-корр. АН СССР, профессор С.В. Вонсовский и профессор В.И. Патрушев. Однако как разительно все отличается от 1952 года! Надо отдать должное докладчику, который кроме анализа социальных и политических аспектов задал неплохую основу для обсуждения философских проблем научного знания. Тексты выступлений С.В. Вонсовского и В.И. Патрушева представляли собой блестящие философские эссе о проблемах своих наук.

С.В. Вонсовский дал глубокое объяснение различия между статистическими и детерминистическими закономерностями.

«Что значит неисчерпаемость материи? Это значит вместе с тем неисчерпаемость тех

материальных связей, которые существуют в материальном мире. Это значит, что этих связей существует неисчерпаемое количество, и наше движение вперед, поступательное развитие знания есть расшифровка этих материальных связей. И теперь, когда мы рассматриваем какой-то определенный процесс, определенное явление, мы, естественно, должны вырвать его из общих связей, в определенной мере несколько индивидуализировать. И когда мы узнаем, что можно произвести своеобразную классификацию или разделение этих материальных связей, то видим, что есть связи, которые являются коренными, определяющими для данного явления. Но не только эти связи существуют, существует бесчисленное множество других связей, может быть, известных и неизвестных, — это неизбежно, в том числе связей побочных, не определяющих. Существовая одновременно наряду со связями коренными, определяющими для данного явления, это множество других связей любое явление природы, общества, любое материальное явление всегда окрашивает таким статистическим характером. Эти случайные для данного типа явлений связи, поскольку они существуют, они всегда каждому отдельному явлению, наряду с динамическим элементом, придают и элемент объективной случайности, объективной вероятности и т. д.

С.В. Вонсовский, 1953 год

В чем же здесь дело? Почему в классической механике этого не было? Дело в том, что в классической механике в качестве коренных связей учитывались лишь те, которые математически выражаются в уравнениях движения Гамильтона или Ньютона. Считалось, что, кроме них, других связей вообще в природе не существует, что все достаточно учтено. Классическая механика в этом смысле находится в вопиющем противоречии с ленинским тезисом о неисчерпаемости материи, потому что там постулировалось нали-

чие ограниченного числа связей, только тех, которые заложены в математическом аппарате классической механики, и что больше ничего нет. Поэтому с точки зрения механистического материализма эти законы были чисто детерминистическими, как будто бы все в порядке, а в действительности все было в беспорядке, потому что это был добавочный постулат, который ограничивает наше знание, кладет ему предел, тогда как мы знаем, что знание безгранично, так же, как и материя неисчерпаема. Когда мы перешли к микромиру, этот постулат пришел в противоречие с объективным миром. В результате пришлось сломать классическую механику, т. е. показать, что сама классическая механика — сугубо статистическая наука»¹⁷.

К сожалению, такое ясное понимание неисчерпаемости, лежащей в основании процессов микромира и сегодня встречается не часто. Общеизвестно неприятие вероятностных представлений А. Эйнштейном: «Бог в кости не играет!». И это не случайно, так как теория относительности построена на постулатах, противоречащих неисчерпаемости. Не удивительно, что и сейчас появляются такие публикации, как, например, книга Дж. Хоргана «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки».

И дело здесь, во-первых, в том обстоятельстве, что классическая картина мира складывается во внутреннем мире человека сравнительно легко, согласуется с его познанием окружающего, и это происходит значительно раньше того момента, когда он окажется в состоянии понять и принять в качестве основополагающего статистический мир. Причем последнее требует отказа от ранее принятого за основу детерминистского представления и замены его на вероятностное. Это нелегко. Поэтому, зачастую, в фундаменте по-прежнему лежит классика, адаптированная к статистике размывающими множествами. Во-вторых, и это наиболее значительное обстоятельство, статистическая кар-

тина мира, в каждой точке которого существует неисчерпаемое количество связей, не содержит на сегодняшний день научного представления о процессах, механизмах, структуре и т. п., реализующих такую неисчерпаемость. Говоря иначе, неисчерпаемость материи и материальных связей просто декларируется. А между декларацией и обеспечивающими декларированное механизмами, как известно, — дистанция огромного размера. Существуют «трудности на пути представления квантовой механики как статистической теории»¹⁸, — утверждает С.Я. Беркович. «У нас нет хорошей модели для объяснений частичного отражения двух поверхностей; мы только вычисляем вероятность, — писал Р. Фейнман. — Я не собираюсь объяснять, как фотоны в действительности «решают» вопрос, отскочить ли назад или пройти насквозь. Это неизвестно»¹⁹. Подобных высказываний можно привести немало. В настоящее время есть попытки решения этой проблемы, есть гипотезы, в том числе и та, которая кратко упоминается в работах одного из авторов данной статьи²⁰.

Учитывая сказанное, возможности углубления понимания физического устройства мира на этом пути еще далеко не исчерпаны и именно здесь следует ожидать наиболее крупного научного прорыва. Иначе говоря, проблема неисчерпаемости и сегодня актуальна как немногие иные.

В.И. Патрушев достаточно подробно остановился на физиологических истоках эмпириокритицизма и на эволюции наших органов восприятия.

«[...] отец немецкой физиологии Иоганн Мюллер исследовал органы чувств человека и животных и обнаружил, что при раздражении зрительного нерва электрическим током возникает ощущение огонька в глазу, т. е. явление фосфен. И. Мюллер также обнаружил, что если зрительный нерв раздражать механическими ударами или теплом, то получает тот же самый фосфен. Когда он перешел к

¹⁷ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 418. Лл. 3—9.

¹⁸Беркович С.Я. Клеточные автоматы как модель реальности; поиски новых представлений физических и информационных процессов. М., 1993. С. 64.

¹⁹Фейнман Р. КЭД странная теория вещества и света. М., 1988. С. 20—24.

²⁰Кузнецов А.И. Построение концептуальной основы комплексного междисциплинарного исследования проблемы человека // Современное информационно-методологическое обеспечение научно-исследовательской деятельности: Материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2003. С. 117—118.

исследованию других органов чувств, то обнаружил, что аналогичные раздражения слухового нерва механически, теплом или электрическим током вызывают шум. При раздражении языка электрическим током или с помощью механических раздражений возникают вкусовые ощущения.

На основании этих фактов И. Мюллер в конце XIX века создал теорию специфической энергии органов чувств. Эта теория известна как «физиологический» идеализм, который оказался весьма модным в конце XIX века.

Согласно теории специфической энергии органов чувств получается, что органы чувств нас обманывают. На глаз действует электрический раздражитель, и глаз дает ощущение свечения. И Мюллер сделал вывод, что органы чувств не дают правильного ответа об окружающей среде, о действии внешних раздражителей. Все, что мы знаем, говорил И. Мюллер, это то, что мы знаем свои собственные ощущения.

Гельмгольц, ученик Мюллера, тоже в конце XIX столетия разработал теорию познания окружающей действительности, как теорию иероглифов, как теорию символов. По этой теории ощущение является знаком окружающей действительности. Этот знак не является обязательно отражением, копией, снимком с окружающего мира, который действует на органы чувств, он является всего лишь каким-то сигналом. Эта теория иероглифов была агностицизмом в естествознании и философии, обосновывала непознаваемость мира [...]. Ее воспринял также Мах в 1872 году, объявив предметом науки изучение связей между ощущениями, а не между действительными предметами, вещами окружающей природы.

В книге Ленина опровергнута эта концепция, развита теория познания как теория отражения, доказана роль практики, подтверждающей правильность показаний органов чувств. Эти вопросы были экспериментально разработаны такими крупнейшими физиологами, как отец русской физиологии Сеченов — в конце XIX века, и в трудах И.П. Павлова — в начале XX века.

Павлов, в частности, показал, во-первых, что неспецифические раздражители, такие как электрический раздражитель для глаза, вызывают упрощенные ощущения, не насто-

ящие, не полные, во всяком случае, не восприятия предметов, а только ощущения упрощенного типа, как мелькание огонька. Более сложные ощущения и восприятия никогда не возникают под влиянием неспецифических раздражителей. Поэтому к теории познания неспецифические раздражители не имеют отношения, это своего рода патология, потому что никто не изучает окружающую действительность только с помощью, скажем, электрического раздражения глаза и т. д.

Второе, что показали Павлов и Сеченов в своих исследованиях, это то, что органы чувств развились в эволюции, как органы ориентации во внешней среде. И.П. Павлов предполагал, что в основе ощущений лежит химическая реактивность.

В дальнейшем, когда из белков сформировались простейшие живые организмы, на основе химической реактивности возникла возбудимость живой протоплазмы, живой материи. Примером является возбудимость амебы. Кроме того, она характерна для всех клеток человеческого, животного и растительного организмов.

Но вот уже у губок, которые являются первой ступенью эволюции на пути от простейших организмов, появились первичные клетки высокой чувствительности наряду с другими двигательными клетками. Эти первичные рецепторы чувствительны по отношению к тепловым, световым и всяким механическим раздражениям.

У кишечно-полостных, червей, мягкотелых (моллюсков) эти первичные рецепторы специализированы в отношении восприятия механических, световых, звуковых раздражителей, в результате получились звуковые, световые и всякие другие рецепторы.

Наконец, у более высших организмов на основе этих специализированных рецепторов произошло дальнейшее усложнение органов чувств, и в результате органы чувств очень точно отражают окружающий нас мир. Можно сказать, что если у губок в первичных чувствительных клетках можно отметить влияние света и темноты, то такой зрительный световой рецептор, как шаровой глаз человека, уже отражает трехмерность пространства. Кроме того, чувствительность этого рецептора настолько велика, что глаз способен реагировать на один световой фотон. Нет

прибора, который мог бы конкурировать с глазом человека. И такая точность отражения окружающего мира в ощущениях, которые возникают в органах чувств, обеспечивает ориентацию организмов, в частности организма человека, в окружающем мире.

Наряду с этим И.П. Павлов показал, что наши органы чувств, даже органы чувств человека, самые совершенные, все же далеко не совершенны, в частности потому, что многие стороны физического мира не воспринимаются органами чувств. Например, нет рецепторов для так называемых неспецифических раздражителей. Электрическое раздражение организм не может воспринимать каким-то специальным органом, а также радиоволны, всякие магнитные колебания, — нет таких органов чувств. Но вместо этого человек изобрел соответствующие приборы, и мы можем ориентироваться с помощью этих приборов.

Кроме того, органы чувств несовершенны в том отношении, что иногда возникают иллюзии, т. е. получается не истинное восприятие, а иллюзорное... И в работах И.П. Павлова было показано путем эксперимента, практики, что можно установить иллюзорность любого органа чувств и внести поправки на это несовершенство.

Работа И.П. Павлова является естественно-научной физиологической основой ленинской теории познания окружающего мира как теории отражения»²¹.

Мы привели достаточно большой отрывок из выступления В.И. Патрушева, чтобы продемонстрировать несколько характерных для него и для того времени особенностей.

1. Необходимость в любом случае доказывать истинность философских положений ссылками на тексты классиков марксизма, здесь на В.И. Ленина, в частности.

2. Совокупность аргументов, теоретически обоснованных, экспериментально проверенных и вполне достаточных и без ссылочно-цитатного доказательства.

3. Очень ясно (хотя и специально не формулировано) показана несостоятельность принципа, известного ныне как принцип

(процедура) фальсификации — в своей основе математического и представляющего опровержение проверяемой зависимости контрпримером. (Здесь: если возможны иллюзии восприятия, то отсюда вывод — органы восприятия нас обманывают, воспринятое не есть отражение, а мы знаем лишь свои собственные ощущения и связи между ними.) Но человек не набор математических символов, для него жизненно важно попадать ложкой с едой не в глаз или ухо, садиться на стул, а не рядом с ним и т. д. Иначе говоря, восприятие — это целевая, настраиваемая в процессе жизни функция, которая без «прицеливания» и корректировки, как в обыденной, так и в научной деятельности не обеспечивает выживания субъекта.

4. Кратко подана эволюция органов восприятия, ведущая ко все более точному отражению окружающего. Заметим, что этому посвящена и значительная часть вышедшей в том же 1959 году книги А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики». Но ни В.И. Патрушев, ни А.Н. Леонтьев еще не рискуют говорить о генетике, хотя механизмы совершенствования органов восприятия, безусловно, носят в том числе и генетический характер.

5. Остановимся на утверждениях И. Мюллера о том, что «Ощущения, свойственные каждому чувствительному нерву, могут быть вызваны многими внутренними и внешними воздействиями» и «мы не можем иметь никаких ощущений, вызванных внешними причинами, кроме таких, которые могут вызываться и без этих причин...»²². И физиолог В.И. Патрушев, и психолог А.Н. Леонтьев выступают против этих утверждений, относя их к чистейшему идеализму. Покажем, что на самом деле здесь исключительно острая, современная проблема. Прежде всего, в этом вопросе следует поставить под сомнение точку зрения обоих ученых. Согласно выдвинутой нами гипотезе²³, во многом развивающей гипотезу А.Н. Леонтьева об «...уподоблении процесса, составляющего эффекторное звено рецепирующей системы, отражающему свойству»²⁴, процесс построения воспри-

²¹ГАСО. Ф.Р-2110. Оп. 2. Д. 418. Лл. 9—14.

²²Müller J. Handbuch für die Physiologie des Menschen für Vorlesungen. 1840. Bd II. S. 251.

²³Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 113—116.

²⁴Леонтьев А.Н. Проблемы развития техники. М., 1981. С. 183—192, 219—271.

ятия распадается на две части. Одна из них есть отражение окружающего на сетчатке, а вторая — активный поисковый процесс, использующий детекторы-анализаторы для синтеза цельного образа, по резонансной настройке совпадающего с сеточным. Так как активный поисковый процесс есть не что иное, как воображение, констатируем, что в данном случае оно находится на службе у восприятия. Поэтому мы считаем, что И. Мюллер прав, когда говорит об ограничении восприятия внешнего возможностями построения образов внутренними поисковыми процессами, и не прав, когда делает отсюда вывод, что наши органы восприятия обманывают нас и не дают адекватного знания о внешнем мире. В самом деле, винтовка не гарантирует попадания в цель, а потому может быть «фальсифицирована», но ее

умелое профессиональное использование позволяет поражать цель.

Отмеченные выше фундаментальные проблемы не имеют решения и по сей день. Для продолжения и углубления наших знаний о мире и человеке, которые еще далеко не полно изучены и сегодня, необходимо было (как, впрочем, и сейчас) еще многое, в частности, снять запрет на генетику и развернуть комплексное исследование по широкому научному спектру.

Обращение к дискуссиям 50-х годов прошлого века сейчас дает возможность понять, насколько зависимой и несвободной была мысль ученых в то время, как их принижали власть имущие, как вынуждены были они сами принижать свои лучшие достижения, хотя иные из них и сегодня представляют немалый интерес.